

УДК 111.1 (09)
DOI: 10.31651/2076-5894-2018-1-103-109

БОРИСОВА Татьяна Викторовна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и политологии
Днепропетровской национальной
металлургической академии Украины,
e-mail: tvborisova78@gmail.com

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА ХУДОЖНИКА В ТВОРЧЕСТВЕ (ФИЛОСОФСКИЙ СРЕЗ)

Философское измерение проблемы одиночества творческой личности осуществляется в историко-социальном и религиозно-эсхатологическом ключе. В основе анализа внимание сосредоточено на вопросах философской антропологии, с выходом на проблему конструирования особой онтологии человека в тесной гносеологической связи с Богом. Метод исторической ретроспекции позволил частично очертить круг важных вопросов бытия человека, что сопряжены с феноменом одиночества творческой личности. Поднимается тема ведущих морально-этических составляющих христианского мировоззрения в понимании одиночества на примере работ русского мыслителя XX века В. Вейдле. Социальные, психологические, исторические и эстетические стороны рефлексии феномена одиночества в творчестве берутся как дополнительные. Акценты смещены в сторону вопросов метафизики одиночества, как состояния разлучения с Творцом.

Ключевые слова: одиночество, творчество, человек, Бог, мировоззрение, свобода, трагедия.

Постановка проблемы. Как по-разному об одиночестве можно подумать и написать. Современные исследователи философских глубин одиночества склонны делать глубокий реверанс в этом вопросе в сторону социологии и социального контекста проблемы. Примером тому могут служить те риторические вопросы, что ставятся в подобных анализах-размышлениях на первое место: чего же больше в одиночестве беды или вины человека? Одинокий человек скорее жертва или эгоист?

Проблемное поле философского измерения феномена одиночества в творчестве раскрывается через вопросы христианской антропологии и эсхатологии. В истории философской мысли уже сложилась некая традиция рассмотрения этого вопроса, но особое внимание этой теме уделяется в последние два столетия.

Анализ последних исследований и публикаций. Среди наиболее известных исследователей философского ракурса феномена одиночества следует упомянуть: С. Кьеркегора, Ж.-П. Сартра, М. Бубера, Л. Берка, У. Садлера, Т. Джонса, Л. Карсавина, В. Вейдле. В наши дни эта тема поднимается на страницах работ Е. Юдича, Ж. Пузановой, Н. Покровского, Г. Иванченко и других.

Цель данной работы – раскрыть метафизические и онтологические особенности феномена в творчестве на основе работ русского мыслителя В. Вейдле.

Изложение основного материала. Вопросы одиночества конструируются на «удобренной экзистенциалистами основе», какой богато современное культурное пространство. Однако и попытка тотальной рационализации этой темы тоже не позволяет заглянуть в глубины «метафизического тела» одиночества. Беспрецедентными выглядят попытки выделить два уровня в осмыслении одиночества: философско-теоретический и художественный. С констатацией того факта, что эмоциональные оценки всегда ярче за счет пафоса и могут брать вверх над строгим теоретическим анализом. Все эти психолого-социологические подходы в изучении основ и феноменов внутренней жизни человека хороши как иллюстрация к чему то более основательному и фундаментальному. Мы имеем в виду именно религиозно-философское и богословское осмысление вопроса в контексте близкой нам христианской (православной) культурной традиции.

В свое время В. Вейдле написал небольшую философскую работу «Одиночество художника», исследуя в ней эстетическую, религиозную и философскую природу искусства. Русский мыслитель более основательно останавливается на проблеме одиночества личности в творчестве. В данном вопросе идеи и мысли В. Вейдле сохраняют свою актуальность и способность внести вклад в современный философский процесс. Стиль и содержательная часть размышлений далеки от тривиальных и довольно модных современных очерков и эссе в гляцевых изданиях о психологической основе одиночества. Нет этого истеричного нагнетания страха перед этим состоянием, посредственных, легковесных и сомнительных советов по борьбе с ним или апологетических гимнов человеческой самости, эгоизму и индивидуальной неповторимости в ее несовершенстве. Исследователь природы творчества далек от привычного обывательского понимания одиночества. Его интересует глубинный срез проблемы, состояние и судьба самого искусства через призму понимания и осознания одиночества художника.

Проблематика этой темы у В. Вейдле соткана из целого перечня довольно тонких метафизических размышлений о сущности и предназначении самого творчества и свободы личности в нем. В чистом виде вопрос об одиночестве художника, без привязки к Богу, культуре, морали и искусству русским автором принципиально не берется. И такой подход, на наш взгляд, есть довольно верным и продуманным. Иначе это сузило бы анализ до рассмотрения спектра психологических аспектов, а значит, лишило бы тему философской перспективы рассмотрения.

Важно отметить, что философский анализ одиночества художника у В. Вейдле неким образом отразил всю сложность и драматичность истории самого искусства и культуры XIX – XX веков. Зона критического взгляда мыслителя на вопрос об одиночестве художника распространилась и на такие проблемные темы как:

- метаисторический срез проблемы одиночества художника (гения) в истории всей мировой культуры человечества;
- познание как способ одоления одиночества в его предельной полноте;
- вопросы культурно-религиозной реабилитации одиночества в духовном возрастании личности и общества;
- анализ ведущих противоречий свободы и несвободы в творчестве;
- проблема свободы личности, зажатой двумя идеологиями (атеистическим коммунизмом и нигилистическим европейским гуманизмом);
- книжная драматургия и театральное искусство, как арена демонстрации видов одиночества творческой личности;
- попытка очерчивания семантического «профиля» одиночества у творящей личности;
- понимание художественной литературы как одной из рефлектирующих способностей человека;
- эсхатологическое измерение одиночества в традициях христианской культуры мышления;
- намерение разделить, описать и сравнить два вида одиночества – обывателя и творческой натуры;
- экзистенциальное измерение напряжения между художником (творящей личностью) и нетворческой безличной массой людей.

Уход литературы и искусства вообще от традиционной онтологической смысловой нагрузки в анализе проблем культурного бытия человека способствовал уходу в иную сторону. Такой иной стороной в полный рост становится анализ тончайших переживаний личности своей уникальности и неповторимости. Отметим, что подобное не иначе как «негативным» антропоцентризмом не назвать.

В условиях критичного отношения к современному искусству обращение к заявленной теме выглядит актуально и остро. Что такое творчество и одиночество в творчестве, и каковы их метафизические срезы в культурном пространстве метаистории –

вопрос, что ставится перед каждым поколением. Даже пагубность мысли «искусство ради искусства» не способна заглушить и преодолеть чувство личностного творчества ради своего совершенствования. Те же, кто запутался в духовных исканиях, одолеваемы муками творчества по мнению В. Вейдле не так уж и виновны в этом: «Можно ли винить отдельных писателей или целое поколение их в том, что они не справились с этим парализующим творчеством противоборством духовных сил? Конечно нет; да и не в их личной неспособности тут дело, разлад переживается не худшими, а лучшими среди них; его корни проникают в большую глубину; суд над ними означал бы суд над всей современной культурой» [1, с. 13].

Одиночество художника в его творчестве – изысканная тема для философского ума, ее сложно удерживать в фокусе объективного подхода, беречь от встраивания своего понимания и феномена одиночества и такого явления как «творчество». Выразительной чертой всего анализа у В. Вейдле можно считать связь этой темы с проблемой присутствия Бога в душе человека и в культуре. Не просто формальное упоминание их и ссылки на основы нравственного бытия, а живая осознающая себя вера в Бога.

Проблема одиночества выписана русским философом с различных сторон: психологическое одиночество, непонятность гения современникам, личная самость, одиночество и свобода в одиночестве. Историческая ретроспекция культурного наследия человечества в сфере искусства дала возможность философу уже на первых страницах работы прийти к основному постулату: «Творческая душа одинока была всегда, во все времена, во всякой обстановке, но совсем не в том смысле, который одиночество это стало приобретать лет полтора назад и который все более укреплялся за ним по мере приближения к нашему веку. Творческий человек старых времен – Эсхил или Данте, Фидий и Рублев – был одинок в своем деле, в своей судьбе, в силу особого своего призвания, но в истоках своего творчества он не был отделен от того, чем все вокруг него жили и дышали. Случалось и прежде, что гений оставался неясен для современников, предпочитавших умеренный талант; но он оставался неясен, потому что всех перерастал, а не потому что и вырасти не мог на той почве, где возрастали остальные. Шекспира не отличали от Гейвуда или Флетчера, но должно быть не так уж отличал себя от них и сам Шекспир; Микеланджело и Рембрандта к концу их жизни перестали понимать, но лишь как издревле не понимали пророков и мудрецов, а не как упирается в непонятное араб, выслушивающий речь китайца или школьник, раскрывший наугад «Критику способности суждения». Непонимание, кроме того, далеко не всегда означает внутреннюю чуждость и само по себе отнюдь не приводит еще к тому глубокому и больному одиночеству, каким со времени романтизма все чаще бывает поражена творческая личность и творческие ее дела. Во всей судьбе современного искусства, в произволе воображения или внезапной робости его, в обилии выдумок и причуд, и в пристрастии к сырому документу, в упадке вымысла, в утрате стиля, сказалось одиночество художника» [2, с. 52-53].

Говорить об одиночестве Сократа, Г. Сковороды, С. Булгакова – значит говорить о философском одиночестве, хотя многие полагают, что в сфере искусства оно несколько иное. Яркий пример тому – творчество Н. Гоголя. Хотя в отношении Н. Гоголя путь его четко противопоставляется пути М. Лермонтова, чей жизненный отрезок был кратким и одиноким. В то время, как у Н. Гоголя была опека, понимание и признание родных, друзей, целая плеяда родовой московской интеллигенции опекала его. В поисках же своего религиозного самоопределения человек всегда одинок. Это поиски в глубинах сердца, сродни поиску смысла жизни, а потому путь этот индивидуален. По мнению В. Вейдле во всей своей яркости и полноте проблема одиночества может быть развернута только в контексте связи человека и трансцендентностью Творца. Более того, следует отметить тот момент, что для верного понимания проблемы одиночества талантливому человеку важно еще и внутренне располагать временем, уметь критически мыслить о себе, но без крайностей тотального самоуничтожения.

Одиночество может быть «предельным» не только на уровне отдельно взятой личности. Масштабы и пределы одиночества в обществе и его бытии по большому счету не могут серьезно рассматриваться без тесной сопряженности с личностью Бога. Погружаясь в стихии творчества писатель (художник) прежде всякого литературного изыскания должен, по мнению В. Вейдле, интересоваться собой в плане духовной высоты. Акцентировка и смакование своих внутренних переживаний и душевных терзаний несет в себе уход от поиска высших смыслов и способно родить новые формы отчаяния. Одиночество в отчаянии – губительно для художника и для искусства в целом. Антропоцентричность культуры не должна впадать в поиск отвлеченных эстетических форм.

Вся полнота и безграничность переживаний одиночества раскрывает себя только в одиночестве человека без Бога, своего Творца. Со всей серьезностью и ответственностью опираясь на этот постулат В. Вейдле пытается также определить возможные и действенные способы духовного обновления общества и искусства. Так он отмечает: «Религиозное возрождение мира только и может спасти искусство, но представлять себе это спасение как результат добросовестно исполненных предписаний и программ, значит смешивать церковь с казармой и равно не понимать искусство и религию. Надо сделать так, чтобы одиночество перестало быть неизбежным для художника, но его нельзя тащить силою на площадь, даже на ту площадь, где начнут строить будущий собор. Искусство надо выволить из безвоздушного пространства, извлечь из-под стеклянного колпака, но из этого не следует, что можно безнаказанно расплавить ту броню, в которую оно облеклось ради своей защиты. Художник в одиночестве своем – особенно пока он в нем не открыл всех его убийственных провалов – являл великий подвиг, великое дерзание. Нельзя себе и представить последних полутора веков без многочисленных исповедников, подвижников, страстотерпцев и юродивых искусства. Никакое отчаяние, никакие надежды не должны нам позволить их забыть» [2, с. 58].

Тот критический интеллектуальный контекст, что существует сегодня в диспутах различных специалистов гуманитарного знания о человеке, будет требовать такой же жесткой и предметной реакции-аргументации от философов, поскольку речь идет о состоянии и дальнейшей судьбе отечественного и мирового культурного пространства.

Обратим наше внимание на глубоко эсхатологичные взгляды В. Вейдле в его философских поисках «корней» одиночества не только в сфере творческой жизни личности, но и в судьбе всего человечества в целом. Упомянув в самом начале своего произведения «Одиночество художника» имя английского мыслителя Ф. Бэкона и всю эпоху Нового времени, что связана с изменением понимания творчества и творческого процесса в искусстве. В. Вейдле указывает на тот факт, что урбанизированная цивилизация начинает искажать сущность и механизмы самого творчества. Искусство с того периода постепенно начинает терять свои высокие позиции как духовно и социально значимый фактор. Винай тому заложенный еще Ф. Бэконом принцип критерия истинности и объективности через эксперимент и среднестатистическую выборку. В результате чего основы цивилизованного уклада жизни обретают новые стандартизированные формы, что обнаруживают себя в технологических процедурах не только производства материальных благ и произведений искусства. Верно, что техника ускоряет производство материальных ценностей, ускоряя так же и процесс их уничтожения. Возникает риторический вопрос о судьбе нравственных и эстетических ценностей остается открытым и сегодня. Потому личностный уникальный творческий фактор и контекст со временем просто упраздняется. От этого страдает и художник как творческая личность и автор и общество, что нуждается в произведениях искусства.

В такой «культурной матрице» одиночество художника неизбежно. «*Magna civitas, magna solitudo...* Пророческие слова Бэкона, предвкусившего в Лондоне королевы

Елизаветы многолюдную пустыню будущих огромных городов, приложимы не только к городской, но и к государственной, да и ко всей вообще цивилизованной жизни современного нам мира: где нет уединения, там одиночество всего страшней. Именно потому, что личность в этом мире как никогда придавлена нечленораздельной массой, что ежеминутно ее грозит затоптать многоногая толпа, именно потому она отвергнута, потеряна, забыта, хоть и не знает о том, хоть и шагу нельзя ей ступить, не наступая на мозоль соседа, хоть от непрестанного трения и стираются постепенно те самые черты, что делают ее личностью. Растеряв семью, общину, бытовое содружество, сам себя отлучив от церкви, современный человек ищет опору то в неистовом превознесении своей особенности, то в отказе от нее на благо «коллектива» [2, с. 52].

Эсхатологический эскиз одиночества всегда интересен философам. Так, в одной из своих публичных лекций, посвященных толкованию Нового Завета современный российский профессор А. Зубов упоминает о проблеме самости в довольно остром контексте – в вопросе о судьбе мира – Апокалипсисе. В частности его мысль заключается в том, что любовь и вера в любовь Божию должны быть сильнее страха перед образом исторического конца мира. А. Зубов спешит напомнить, что Господь желает всем спасения, а потому все возможно, все пути открыты перед свободной волей христианина на встречу к Богу. Нет преград на этом пути, нет и заслонов, кроме одного – нашей самости, а ее следует преодолевать и тогда мир станет другим. Вместе с тем сложность и трудности бытия человека могут быть раскрыты и через наличие в этом бытии состояния одиночества. Для человеческого Я – другие – это сложно, это проблема, но и для самого себя, для собственного Я человеческого – Я – это проблема.

Особая роль отводится В. Вейдле субъективному человеческому опыту творческой личности. Казалось бы, что утверждают очевидные вещи, но аксиологичный градус размышлений повышен в этой теме с оглядкой на возможности самого художника осмысливать свой опыт с пользой для себя и своего творчества. Страдающий писатель, по мнению В. Вейдле, раскрывает нам не тот мир, в котором мы живем и не тот мир, что им придуман в вымыслах, а тот, от которого он бежит, гонимый болью и отчаянием. Должно интересное и неожиданное размышление как для литературного критика. Ведь, как правило, субъекты литературной критики обличают авторов произведений в надуманности их мира или вульгарной реалистичности его описания.

В современном искусстве много непонятого с точки зрения традиций классицизма и основ христианской нравственности. «Истинным» и «высоким» становится то творчество, что получило широкую популярность. Так, В. Вейдле еще в прошлом столетии сумел поставить вопрос об «истинном эстетизме» и духовном содержании форм и видов искусства. Собственно говоря, современное искусство сегодня так же не может выступать с таким себе «некрологом культуры наших дней». В нынешнем литературном творчестве с его засильем стилей, далеких от воспитательной и нравственной мировоззренческой высоты, мы видим иногда попытку сыграть роль ведущего на «похоронах» современной культуры.

Важно подчеркнуть гносеологическую роль художественного творчества; В. Вейдле особым вниманием окружает этот важный и сложный вопрос. Более того, в тезисах мыслителя триединство человеческой природы (дух, душа и тело) становятся точкой пересечения всей гносеологической проблематики. Он об этом пишет следующее: «Воображаемый мир был естественным обиталищем художника, вместилищем его духа, телом его души. Как бы ни были многообразны в искусстве открывающиеся миры, никогда не порывалась связь между ними и тем, что мы называем правдой. Вымысел с полной свободой для самого себя незаметно переходил от познания к творчеству и от творчества к познанию: слияние этих начал и составляет сущность вымысла и вместе с тем сердцевину всякого искусства» [1; с. 10].

Сама категория «одиночество» до сих пор ожидает своей историко-философской и культурологической ревизии. Вести речь об этой проблеме творческой личности для философа, в каком-то смысле означает, что он должен занять определенную дистанцию по отношению к вопросам о свободе, Боге, смерти и времени. Культурологическое измерение этой проблемы для религиозного исследователя просто немыслимо и не состоятельно.

Выводы. В данной работе для нас важным было выделить основные особенности философско-религиозного рассмотрения вопроса одиночества в творчестве художника. Речь идет о следующих:

1. современные дискуссии о творчестве и одиночестве в творчестве не склонны давать строгих нравственных оценок этим сложным феноменам. В основном взгляды по этому вопросу поляризуются в социальных измерениях одиночества, где человек понимается в секулярном мире как «ансамбль общественных отношений», либо как объект «избыточной экзистенции»;

2. рассмотрение проблемы одиночества художника неизбежно приводит нас к конструированию особой онтологии человеческого Я, что встроена в религиозно-философское мировоззрение;

3. одиночество в этическом творчестве – это еще не духовное возрастание, поскольку, по мнению В. Вейдле, сама христианская антропология выступает как довольно традиционная сфера знания, степень консервативности и элитарности которой достаточно высока;

4. трагедийный смысл самого одиночества сопряжен с темой трагедии творчества, из чего следует, что проблема одиночества всегда будет находиться в центре философско-исторического спора мыслителей всех эпох. Обсуждение этой и подобной ей темы неминуемо приведет нас к составлению условного «философского реестра» архаичных страхов человека, вечных проблем его бытия.

Список использованной литературы

1. Вейдле В. Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. – Париж: Путь жизни, 1937. – 138 с.
2. Вейдле В. Одиночество художника. / В. Вейдле. // Новый Град. – 1934. – №8. – С. 52-62.
3. Карсавин Л. Поэма о смерти / Л. Карсавин // Путь православия. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 455-528.
4. Гвардини Р. Конец философии нового времени / Р. Гвардини // Феномен человека: Антология. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 240-296.
5. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках. Монография / М. М. Дунаев. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 539 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
7. Тульчинский Г. О природе свободы / Г. Тульчинский // Философия и общество. – 2006. – № 4. – С. 17-31.
8. Кримський С. Запити філософських смислів / С. Кримський. – К.: Вид. ПАРАПАН, 2003. – 240 с.
9. Больнов О. Философия экзистенциализма / О. Больнов. – М.: Директ- Медиа, 2009. – 311 с.
10. Бердяев Н. Дух и реальность / Н. Бердяев. – М.: АСТ, 2007. – 381 с.

References

1. Veidle, V. (1937). *Dying of art. Reflection about the fate of literary and artistic work*. Paris: Way of life (in Russ.)
2. Veidle, V. (1934). Loneliness of artist. *Novyi Grad (New Castle)*, 8, 52-62 (in Russ.)
3. Karsavin, L. (2003). Poem about death. *Way of Orthodoxy*. Moscow: LTD "AST Publishing House", 455-528 (in Russ.)
4. Guardini, R. (1993). The end of philosophy of a New time. *Phenomenon of man: Anthology*, 240-296. Moscow: High School (in Russ.)
5. Dunaev, M. M. (2003). *Faith in the hearth of doubts: Orthodoxy and Russian literature in XVII-XX centuries. Monograph*. Moscow: Publishing council of Russian Orthodox Church (in Russ.)
6. Frankl, V. (1990). *Man's Search for Meaning*. Moscow: Progress (in Russ.)
7. Tulchinsky, G. (2006). About nature of freedom. *Filosofia i obshchestvo (Philosophy and society)*, 4, 17-31 (in Russ.)
8. Krymsky, S. (2003). *The requests of philosophical meanings*. Kyiv: PARAPAN (in Ukr.)
9. Bolnov, A. (2009). *Philosophy of existentialism*. Moscow: Direkt-Media (in Russ.)
10. Berdyaev, N. (2007). *Spirit and reality*. Moscow: AST (in Russ.)

BORISOVA Tatyana Viktorovna,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Political Studies,
National Metallurgical Academy of Ukraine,
e-mail: tvborisova78@gmail.com

A PROBLEM OF SOLITUDE OF ARTIST IN ART ACTIVITY (PHILOSOPHICAL ASPECT)

Abstract. *Introduction.* The investigation of the phenomenon of artist solitude provides for studying deep bases of man and his life. The sources, reasons and features of experiencing the state of creative personality can have both positive and negative aspects. The purpose of the article is to carry out the philosophical and religious measuring of the phenomenon of solitude of creative personality in historical and philosophical aspects; to consider the metaphysical context of decision of this question in works of V. Veidle. *Methods.* For research of this question mainly classic philosophical methods were used: hermeneutics, phenomenological, structural, and comparative analysis. *Results.* The religious measuring of the phenomenon of solitude in the Christian picture of the world acquires the value and depth not only within the framework of a life of human creative personality, but on the joint of life of man and his Creator. *Originality.* In research of the phenomenon of solitude an important place occupies the process of constructing of the special ontology of man and his ontological connections with other people and with God. *Conclusion.* Final permission of this theme within the framework of philosophical reflection in a history of philosophical idea can not be found. While the Christian picture of the world some abolishes the tragedy of solitude in the work of artist. Religious world view is aimed to specify a freely life of man in a dialogue with God as a way to overcome the solitude of creative personality.

Key words: solitude, art, man, God, world view, freedom, tragedy.

Анотація. Борисова Т. В. Проблема самотності художника в творчості (філософський зріз). Філософський вимір проблеми самотності творчої особистості здійснюється в історико-філософському та релігійно-есхатологічному ключі. Увага зосереджена на питаннях філософської антропології, з виходом на проблему конструювання особливої онтології людини у тісному гносеологічному зв'язку з Богом. Метод історичної ретроспекції дозволив частково окреслити коло важливих питань буття людини, що тісно пов'язані з проблемою самотності творчої особистості. Піднімається тема провідних морально-етичних складових християнського світогляду у розумінні самотності на прикладі робіт російського мислителя ХХ століття В. Вейдле. Соціальні, психологічні, історичні та естетичні сторони рефлексії феномена самотності у творчості беруться як додаткові. Акценти зміщені в бік питань метафізики самотності, як стану розлуки з Творцем.

Ключові слова: самотність, творчість, людина, Бог, світогляд, свобода, трагедія.

Одержано редакцією 21.03.2018
Прийнято до публікації 11.06.2018